

Г. Кертман

Что сегодня угрожает стабильности?

Этот текст был написан для газеты “НГ – сценарии” (и, с изрядными сокращениями, опубликован в ней): редакция готовила выпуск на тему “Что угрожает стабильности в России?” и поинтересовалась мнением специалистов ФОМа. Мы сочли целесообразным в полном виде воспроизвести предложенный газете текст в “Форуме” – непохоже, что газетная публикация утратит актуальность за время подготовки этого номера.

Генералы, как известно, обычно готовятся к прошедшей войне. Коллективные представления отечественного “политического класса” о том, откуда исходят или могут исходить угрозы стабильности, тоже по преимуществу ретроспективны. Они сформированы в совершенно конкретных обстоятельствах бурных 90-х годов – когда, собственно, и возник общественный запрос на стабильность. А возник он (потеснив, напомним, доминировавший ранее запрос на радикальные перемены) под влиянием череды разнокалиберных финансовых и политических потрясений. Галопирующая инфляция начала 90-х, “черный вторник”, крах финансовых пирамид, наконец, дефолт 1998 года; дра-

ма октября 1993 года, и далее – непредсказуемость власти, причуды президента, попытки импичмента, внезапность вознесений и опал, чехарда кабинетов, конфликты и сомнительные компромиссы центра и регионов, войны компроматов и т. д. Именно в этом контексте идея стабильности превратилась в общезначимую ценность, “обросла” упованиями и фобиями, обрела ностальгический привкус и политический потенциал.

В обозримом будущем, похоже, нет скольконибудь серьезных оснований опасаться повторения потрясений, аналогичных тем, которые породили запрос на стабильность, – ни в финансовой, ни в политической сфере. Правда, обозримое будущее у нас, как обычно, довольно короткое: сразу же за временным горизонтом краткосрочного прогноза (на год-другой, может быть – немногим больше) начинается территория предсказателей и футурологов, где оптика и интуиция как трезвомыслящего обывателя, так и профессионального наблюдателя социальной реальности не слишком надежны. Но в краткосрочной перспективе – при нынешнем состоянии государственных финансов и нынешней конфигурации политического поля – повторение событий

прошлого десятилетия едва ли возможно. Столь же безосновательна и еще одна тревога, поселившаяся в подсознании “политического класса” сравнительно недавно: страх перед призраками разноцветных революций, бродящими по сопредельным государствам. Доказать беспочвенность этого страха несложно. Гораздо интереснее было бы выявить причины его возникновения – такое исследование наверняка позволило бы многое узнать о мировосприятии российской политической элиты.

Но сейчас речь о другом: существуют ли не в будущем, а именно сегодня серьезные угрозы стабильности в России, и если существуют, то откуда они исходят? Мне лично ответ на этот вопрос представляется очевидным – особенно после событий, происшедших в Кондопоге. Точнее, после ознакомления с результатами общероссийского репрезентативного опроса (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов), проведенного Фондом “Общественное мнение” 9–10 сентября, в ходе которого эта тема подробно обсуждалась с респондентами.

Определенную осведомленность относительно событий в Кондопоге проявила ровно половина опрошенных: 27% участников опроса сказали, что знают о них, еще 23% – “что-то слышали”. Остальные о происшедшем не слышали, и с ними данный сюжет не обсуждался. Это существенно: поскольку мы разговаривали только с теми, кто еще до опроса имел определенное представление о событиях в Карелии, мы могли ничего не сообщать о них и, таким образом, практически полностью исключить какое-либо влияние формулировок вопросов на результаты исследования. Происшедшее в Кондопоге мы называли вполне нейтральным в оценочном плане словом “волнения”.

Начнем с того, что осудили жителей Кондопоги, принимавших участие в “волнениях”, лишь 20% тех респондентов, с которыми этот сюжет обсуждался, тогда как 50% – заявили, что не осуждают этих людей (10 и 25% от числа всех участников опроса, соответственно). Остальные затруднились с ответом. Респондентов, с ответом не затруднившихся, попросили обосновать свою позицию. Типичные высказывания тех, кто

участников волнений не осуждает, звучат так: *“люди правы, они защищаются, как могут”*; *“каждый народ борется за свое существование”*; *“их достали”*; *“приветствую их”*; *“они за себя, за русских, постояли”*; *“сам бы так поступил”*; *“зачем вообще принимают нерусских к нам?”*; *“кавказцы навязывают свои порядки всюду”*; *“все заполонили неруси”*; *“чтобы приезжие знали свое место”*; *“вызывающе ведут себя черные”*; *“гнать их надо из России”*; *“я такого же мнения: всех черных сжечь”*.

Примерно три четверти высказываний – в таком ключе. Встречаются, правда, и другие реплики: некоторые говорят, что не осуждают участников “волнений” потому, что не располагают достаточной информацией, либо потому, что возлагают ответственность за происшедшее на местные власти или на инициаторов беспорядков, которые манипулировали толпой, и т. д. Но преобладают, как видим, совсем другие мотивы.

Далее. Почти половина респондентов, знающих о событиях в Кондопоге (22% от всех участников опроса), заявляют, что в их городах и селах возможны волнения, подобные произошедшим в Карелии; считающих такое развитие событий невозможным несколько меньше (19% участников опроса). Причем в Москве и других крупных городах первых значительно больше, чем вторых; в малых городах – примерно поровну, а в селах, где “иностранцев” сравнительно мало, преобладают вторые.

Уже без непосредственной привязки к карельским событиям в ходе опроса обсуждались более общие вопросы взаимоотношений между местным населением и “приезжими других национальностей”. Тут, конечно, опрашивали всех, безотносительно к тому, знали ли они об инциденте в Кондопоге. И почти треть респондентов (30%) заявили, что там, где они живут, существуют “противоречия, конфликты между приезжими других национальностей и местными жителями”. Об отсутствии таких конфликтов заявили 53% опрошенных. Еще 6% участников опроса (почти исключительно сельские жители) сказали, что у них “иностранцев” нет, остальные ответить затруднились. Если в селах о наличии конфликтов между

“аборигенами” и “пришлыми” заявили 8% опрошенных, а в малых городах – 20%, то в крупных городах – почти половина, а в Москве – 83%. Причем примерно треть от числа признающих наличие таких конфликтов (11% от всех опрошенных) убеждены, что вина за их возникновение обычно лежит на “приезжих других национальностей”; впрочем, справедливости ради следует отметить, что чаще звучит иное мнение – в конфликтах виновны обе стороны (18% опрошенных), и совсем изредка – мнение о виновности местных жителей.

Респонденты, заявляющие о наличии подобных конфликтов в их городах, повсеместно считают, что местные власти ничего не делают для разрешения противоречий. В Москве, например, при всей популярности столичного градоначальника, такое мнение разделяют 65% опрошенных, а противоположное – только 16%. И это существенно, поскольку уверенность в тотальном бездействии властей побуждает оправдывать действия тех, кто берется “решать проблему” своими средствами – в том числе и по карельскому сценарию: этот мотив достаточно громко звучал в высказываниях респондентов.

Наконец, стоит обратить внимание еще на один вопрос. Респондентов спросили: *“Как Вы считаете, тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы или вреда?”* По мнению 34% опрошенных – больше пользы, по мнению 39% – больше вреда. Этот же вопрос мы задавали в 2002 году, и тогда соотношение мнений было все же несколько иным: 41% респондентов согласились с первой точкой зрения, и 34% – со второй. А ведь в то время ситуация в Чечне была гораздо более напряженной, чем сейчас, и это должно было, очевидно, накладывать отпечаток на суждения россиян по данному вопросу.

Опрос определенно показывает, какой потенциал межнациональной нетерпимости накоплен в обществе. А впереди – парламентские и президентские выборы, и не надо быть провидцем, чтобы предсказать, что опять найдутся политические силы, которые будут строить свои предвыборные кампании именно на этой теме, играя на массовой неприязни к “понаехавшим”. После событий в Кондопоге такая игра становится особенно

опасной – но остановит ли это соображение даже относительно респектабельных политиков, просто рассчитывающих несколько “подзаработать” на политически рентабельной теме? А ведь есть и политики совсем не респектабельные, как подверженные националистическим фобиям, так и вообще привыкшие обходиться без собственных политических взглядов.

Кроме того, есть ведь еще и вполне реальные социальные проблемы, связанные с пребыванием некоторых категорий приезжих в крупных российских городах. Когда, например, в студенческое общежитие в массовом порядке в нарушение всех существующих норм заселяются выходцы с Кавказа или из Средней Азии, торгующие на окрестных рынках, это вызывает у студентов, в общем-то, вполне естественное и справедливое недовольство. Но если они проводят некую акцию протеста, то эта акция неизбежно способствует распространению ксенофобии – как у ее участников, так и у части тех, кто узнает о происшедшем из СМИ. Конечно, если бы местные власти строго следовали нормам закона, подобные проблемы (как, впрочем, и многие другие) решались бы легко либо вообще не возникали бы. Но поскольку они не решаются, то в какой-то момент становятся политическими, и чем ближе выборы – тем чаще.

Учтем к тому же, что бытовая ксенофобия со времени возникновения террористической угрозы как угрозы повседневной обретает новые “обоснования”. Одно дело – когда “чужие” обвиняются “всего лишь” в социокультурной или экономической экспансии, и другое – когда к этому добавляется подозрение относительно их возможной причастности к терроризму.

Наконец, ситуацию усугубляет глобальный фон, особенности нынешнего исторического момента. Ватикан извиняется за неполииткорректное цитирование византийского императора, телевизор показывает буйные толпы возмущенных мусульман, какие-то террористические организации делают грозные заявления... На таком фоне любая стычка между местными жителями и “лицами кавказской национальности” в привокзальном ресторане легко интерпретируется как эпизод в конфликте цивилизаций (благо, интерпре-

таторов достаточно). А это не только льстит самолюбиво участников привокзального Армагеддона, но и предполагает продолжение.

В общем, вряд ли кто-то может поручиться, что кондопожские события или какой-то аналогичный эпизод не вызовут завтра цепной реакции насилия (данные опроса, приведенные выше, мягко говоря, не обнадеживают). А если это

случится, то как будут реагировать власти и что они смогут сделать? И к каким последствиям все это приведет?

Мне кажется, что достаточно на минуту-другую задуматься над этими вопросами, чтобы признать: именно здесь коренится самая непосредственная и самая реальная угроза стабильности. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Коррупция и коррупционеры

Согласно данным опроса, проведенного ФОМом, свыше четверти опрошенных (28%) за последние год-два оказывались в ситуациях, когда должностные лица просили или ожидали от них неофициальной платы либо услуги за свою работу (это соответствует данным, полученным четырем годами раньше – в начале 2002 года, когда респондентам задавался тот же вопрос). Чем “ресурснее” участник опроса (моложе, образованнее, обеспеченнее, чем крупнее населенный пункт, в котором он проживает), тем выше для него вероятность попасть в подобную ситуацию. Так, имели дело с должностными лицами, ожидавшими от них взяток, 34% респондентов в возрасте до 35 лет, 36% жителей мегаполисов (среди москвичей – 42%), 45% опрошенных с высшим образованием.

Две трети респондентов (69%) заявили, что за последние год-два не сталкивались с проявлениями коррупции среди госслужащих. Но независимо от личного опыта подавляющее большинство опрошенных уверены, что это явление в нашей стране распространено очень широко. Оценивая, какая часть должностных лиц подвержена коррупции (интервьюер зачитывал варианты ответов: “все”, “большинство”, “примерно половина”, “меньшинство”, “никто”),

Общероссийский опрос населения 17–18 декабря 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

17% респондентов сказали, что коррумпированы все, 47% – что большинство; 18% – что коррупция затронула примерно половину чиновничьего корпуса. Ответы “меньшинство” и “никто” давали очень немногие (5% и 1% соответственно). Характерно, что мнения представителей всех социально-демографических групп (возрастных, образовательных, доходных) в этом пункте совпадают; к тому же распределение ответов практически не изменилось по сравнению с 2002 годом.

Участников опроса попросили сказать, в каких из перечисленных на карточке служб, организаций, учреждений, по их мнению, чаще всего встречается коррупция (допускалось не более трех ответов). Судя по полученным данным, наиболее коррумпированными у нас считаются милиция, таможня, правоохранительные органы (эту позицию выбрали 57% опрошенных) и ГИБДД (45%). Несколько реже респонденты говорили о коррупции среди служащих судов, прокуратуры (32%) и медицинских учреждений (24%). Каждый пятый респондент посчитал, что коррупция наиболее часто встречается в местных органах власти (21%), военкоматах (19%) и учреждениях образования (18%). Федеральные власти в числе институтов, где особенно распространена коррупция, назвали 14% опрошенных.

Следует отметить, что за последние годы репутация некоторых из на-

званных структур пострадала весьма ощутимо. По сравнению с данными, полученными четырем годами раньше, россияне стали заметно чаще упоминать в числе структур, наиболее подверженных коррупции, ГИБДД (45% против 36%), больницы и поликлиники (24% против 15%), военкоматы (19% против 13%), учреждения образования (18% против 13%). Противоположная тенденция отчетливо проявилась лишь в одном случае: доля упоминающих в этом контексте высшие, федеральные органы власти сократилась с 24 до 14%.

По мнению 60% участников опроса, коррупция среди должностных лиц в нашей стране за последние год-два усилилась; 23% считают, что в этом отношении ничего не изменилось, и только 4% усматривают сдвиги к лучшему. Половина опрошенных (49%) полагают, что в коррупции виноваты и берущие, и дающие взятки; те же, кто возлагает ответственность только на одну из сторон, впятеро чаще обвиняют в коррупции взяточников (34%), чем взяткодателей (7%); еще 4% респондентов придерживаются мнения, что в коррупции не виноваты ни те, ни другие.

И, наконец, стоит отметить, что 27% опрошенных считают допустимым в некоторых случаях платить должностным лицам неофициально; о недопустимости такой практики говорят 56%, а 17% – затрудняются с ответом.

Елена Вовк